

ЛЮ

к 84
к 78

ЧТЕНИЕ

В. КРАПИВИН

КОЛЕСО ПЕРЕПЁЛКИНА



462309

СОБД и Ю
Отдел хранения

СОБД и Ю
Отдел хранения



В. КРАПИВИН

K84
K78

КОЛЕСО ПЕРЕПЁЛКИНА

Почти сказочная история

462309



ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО



Астрель
Москва • 2003

Областная библиотека
для детей и юношества
г. Екатеринбург

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К78

Художник *Е. Стерлигова*
Серийное оформление *А. Кудрявцева*
Иллюстрация на переплете
Ирины и Александра Чукавиных

Крапивин В. П.
К78 Колесо Перепёлкина: Повесть/В. Крапивин;
Ил. Е. Стерлиговой. — М.: ООО «Издательство АСТ»;
ООО «Издательство Астрель»; Д.: Издательство «Сталкер», 2003. — 345,[7] с.: ил. — (Любимое чтение).

ISBN 5-17-020102-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-07251-7 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 966-696-202-0 (Издательство «Сталкер»)

Владислав Крапивин — автор произведений, переведенных на многие языки мира.

В настоящее издание вошла современная школьная сказочная повесть, которая будет интересна как подросткам, так и более старшему поколению — любителям творчества В. Крапивина.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 21.07.2003. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 8000 экз. Заказ № 4989.

ISBN 5-17-020102-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-07251-7 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 966-696-202-0 (Издательство «Сталкер»)

© В. П. Крапивин, текст, 2003

© ИКФ «ТББ», 2003

© Издательство «Сталкер», оформление, 2003

Первая часть

НЕ ТА ЛЕСТНИЦА

СОКРОВИЩЕ

Вася рыдал.

Он лежал на постели поверх смятого одеяла, бил мокрым лицом скомканную подушку и вскрикивал:

— Отдай!.. Отдай!.. Отдай!..

— Прекрати истерику! — вскрикивала в ответ мама. — Сию же минуту! Или я...

— Отдай!..

— Прекрати, я сказала!.. Стыд какой! Парню почти девять лет, а он...

— Не почти! Не девять! Отдай!.. Ну куда ты его девала?

— Спрятала в кладовку... Утром получишь, а теперь спать!

— Не утром! Сейчас!.. Сейчас же! — Вася заколотил ногами, выгнулся, ударил кулаками по одеялу, зарылся в подушку лицом. Промычал измученно:



— Ну отдай же...

— Чтобы ты опять засунул эту ржавую дрянь под подушку?!

— Не буду под подушку! Рядом положу, на пол! Только отдай!!

— Перестань скандалить! Или я немедленно позвоню отцу! А утром... мы отправим тебя в интернат, вот!

— Хоть на каторгу! Только отдай! — Рыдание потрянуло Васю короткой судорогой. Он выговорил измученными толчками: — Отдай... Ну, пожалуйста-ста...

В последнем слове была такая тоска, что мама беспомощно заоглядывалась. И тогда забренчал в прихожей звонок.

— Вот видишь! Кажется, ты разбудил своими воплями соседей... — Мама поспешно пошла из комнаты, а в спину ей с новой силой ударило отчаянное: «Отдай!»

За дверью и правда оказалась соседка. Пожилая и грузная тетя Тома.

— Яночка, извини, что поздно. Я к тебе за... О-о! А что это с Василием? — Она будто лишь сейчас услышала неудержимый плач и вскрики.

— Я не знаю! — Мама уже сама чуть не рыдала. — Он сегодня будто с ума сошел! Днем учинил скандал с завучем, убежал с уроков, всполошил



всю школу... А потом притащил с помойки грязную железяку и, когда улегся спать, сунул ее под подушку. На этой ржавчине миллиарды микробов... Я отобрала, а он устроил скандал и рев!.. — Мама судорожно оглянулась на дверь. «От-дай!..» — опять слышалось из комнаты.

Тетя Тома покачала головой.

— Яночка, но если уж так ему это надо... Ты послушай, какое в нем горе... Верни игрушку. Может, для него она сейчас важней важного, бывает такое...

Мама прижала кулачки к вискам.

— Господи, да если бы я знала... Сказала ему, что спрятала этот утиль в чулан, а на самом деле кинула в мусоропровод. Думала, к утру забудет... А сейчас разве найдешь? Контейнер наверняка уже увезли...

Мама думала, что ее сдавленный голос Васе не слышен за его шумными слезами. Но Вася как раз притих в тот миг — бывают в долгих рыданиях такие судорожные перерывы.

Контейнер!.. Его, конечно же, не увезли! Машина за мусором приходит лишь рано утром!

Камнем, пущенным из рогатки, метнулся Вася через прихожую. Мимо мамы, между косяком и отшатнувшейся тетей Томой. Холодные бетонные ступени заколотили по голым пяткам. С четвертого



этажа до подъезда — две секунды! Грудью — о наружную дверь...

Сизые майские сумерки были зябкими. Наплевать! Зато контейнер — рядом. Лишь бы не случилось, что оно застряло в трубе мусоропровода! Лишь бы...

От контейнера пахло ржавым, согревшимся за день железом. Всхлипывая, Вася напряг все жизненные мускулы, отвалил похожую на люк подводной лодки крышку. В умытое слезами лицо ударил помойный запах. Вася подпрыгнул, лег животом на режущий край, расцарапал сквозь майку живот.

От светившей у подъезда лампочки падали слабые лучи. Контейнер был полон на две трети, и Вася сразу увидел то, что искал. Оно лежало поверх тряпья, пустых бутылок и жестянок.

Вася всхлипнул еще раз и схватил маленькое старое колесо от трехколесного велосипеда. Толчком прыгнул назад, на асфальт. Прижал колесо (вернее, Колесо) к груди. Втулка твердо и радостно впечаталась под сердце. От нее вливалось в тело острое тепло.

«Я тебя нашел!»

«Дзын-нь...» — внутренним неслышным звуком отозвались твердые спицы.



«Больше я тебя никогда... никуда...» — пообещал Вася с еще одним, «остаточным» всхлипом.

«Дзын-нь, да...»

То тепло, которое вливалось в Васю от колеса, было не просто тепло. Оно было счастье. И это счастье заполнило Васю, как заполняет резиновую грелку вливаемая через воронку горячая вода. Вася готов был теперь забыть все беды, простить всем свои обиды. Он любил в этот миг всех и всё на свете. И поздние неуютные сумерки, и подслеповатую лампочку над дверью, и грязный контейнер, и черные железные столбы с веревками для белья, и желтые окна девятиэтажного дома, что громадной буквой «П» огораживал вытоптаный квадратный двор, и столпившиеся в дальнем краю двора гаражи...

— Вы хорошие... — шепотом сказал он всему, что было вокруг. — ...И ты хороший, — сказал он бесшумно пришедшему из-за контейнера тощему коту. Кот-бродяга учуял идущую от мальчишки доброту, потерся боком о его ногу, тихо муркнул. Вася присел на корточки, уперся нижним краем Колеса в колени, а на верхний положил подбородок. И стал гладить кота по свалывшейся шерсти. И даже не кота, а весь окружающий мир... Но от подъезда уже спешили к нему мама и тетя Тома.

Дело в том, что, кинувшись за Васей, они решили догнать его на лифте и там на минуту застряли.



И теперь были перепуганы: вдруг не найдут! Вдруг он пропал навсегда!

— Яночка, да вот он!

— Сумасшедший мальчишка! Ты сведешь меня в гроб!

Кот, конечно, сиганул во мрак. Вася вскочил, вновь прижал к себе Колесо.

— Не дам!

— Да оставь ты себе свое сокровище! Господи, помчался раздетый... Схватишь чахотку!

Васю привезли на лифте к дверям. Тетя Тома шумно вздыхала и покачивала головой. Мама опустила руки.

— Ну вот, добегались. Дверь я захлопнула, а ключи-то не взяла...

— Идемте ко мне, — тетя Тома обрела решительность. — Я поищу ключи. Помнишь, зимой вы оставляли мне запасные, когда мастер проверял газовые плиты...

Все оказались в передней у тети Тома, где пахло лекарствами от заставленного склянками подзеркального столика. Тетя Тома стала шарить в выдвинутом ящике. Вася переступал на сплетенном из тряпиц половике и по-прежнему притискивал Колесо к груди. Мокрыми глазами поглядывал исподлобья на маму. А она смотрела на свое тощее всклокоченное чадо — босое, с чешуйками



ржавчины на коленях и на обвисшей, как платье, майке, с грязными полосками на треугольном зареванном лице (словно и не мылся недавно!). Чтобы не зареветь самой, она собрала последние «педагогические» силы:

— Хватит цепляться за этот металлолом. Никто не отберет... Только не вздумай больше укладывать такую жуть с собой в постель...

Тетя Тома тем временем нашла ключи, крутила их на пальце. И тоже смотрела на несчастного соседа.

— Яночка, их обоих нельзя таких в постель... Ну-ка, пошли... — Она вдвинула Васю в ванную, сдернула с него перемазанную майку — оказалось, что и под ней, на животе, ржавые следы. Тетя Тома жесткой горячей мочалкой вымыла Васе живот, колени, щеки. Затем той же мочалкой под тугой струей отмыла колесо. Пыльная резиновая шина заблестела, как новенькая. На ободе проступили следы голубой эмали, на втулке — остатки никелировки.

Вася тянул к своему сокровищу пальцы.

— Подожди. Где-то есть у меня подходящая тряпица... — Тетя Тома достала из шкафчика старую наволочку. — Вот, будет твоему колесу одежка. Ну-ка, толкай...

Упакованное в наволочку Колесо Вася опять прижал к ребристой груди. Тетя Тома тяжелой,



как ватная подушка, ладонью провела по его торчащим белобрысым прядкам.

— Горюшко ты луковое... Можешь укладывать свою радость хоть под одеяло, хоть под подушку. Нету на нем теперь ни одного микроба.

Мама до этой минуты молча и виновато смотрела на сына и на тетю Тому. А сейчас спросила:

— Тамара Петровна, может быть, еще в целлофановый пакет?

— Нет! — вскинулся Вася. — Пакет же не пропускает воздух! Как оно будет дышать?

Мама в тихой панике глянула на соседку. Тетя Тома свела брови: не спорь.

— Иди спать... — со стоном выдохнула мама. — Постой, я отопру дверь...

Она осталась в коридоре — излить мудрой Тамаре Петровне свои тревоги и жалобы, а Вася выключил свет, забрался под одеяло, всхлипнул самый последний раз и уложил завернутое Колесо под подушку. Пощупал сквозь ситец прямые твердые спицы.

«Тебе хорошо там?»

«Дзын-нь... да. И тебе пусть будет хорошо. Больше не плачь...»

«Не буду...»

Вася стал засыпать. В пушистой темноте закрытых глаз побежали радужные пятна, стали



склеиваться в картинки... Но за дверью опять слышались шум и голоса. Это вернулся с дежурства папа.

Сначала мама и папа о чем-то вполголоса говорили на кухне. Впрочем, понятно о чем. Потом папа осторожно шагнул к Васе за ширму.

— Он спит, — поспешно сказала мама.

Но папа постоял, помолчал и догадался, что Вася не спит. И сел на краешек Васиного кресла-кровати. Вася прерывисто вздохнул. Он по-прежнему был счастлив оттого, что колесо здесь, с ним, но теперь уже примешивались и другие чувства. Царапалась тревога из-за всего, что случилось в школе (что будет завтра?). А главное — стыд за недавние отчаянные слезы.

«Но если бы не слезы, как бы я вернул тебя?» — сказал он Колесу.

«Дзынь... Ты не виноват. Ты молодец...»

Но все же виноватость не ушла, поэтому Вася тихо дышал и молчал.

— Давай мы не будем сейчас говорить долго, — вполголоса сказал папа. — Ты, конечно, настрадался сегодня, я понимаю. Но все же скажи мне честно: куда ты подевался в школе, когда поднялся на верхний этаж?.. Только не рассказывай то, что днем. Будто отсиделся в кладовке, а потом незаметно сбежал. Никакой кладовки там наверху нет...



Вася посопел несколько секунд. Он и не собирался ничего скрывать. Потому что теперь было все равно...

— Кладовки не было... Был люк в потолке, а к нему вела приставная лесенка. Может быть, завхоз лазил на чердак и оставил. Ну, забыл, наверно... Я забрался в люк, лесенку втянул за собой, а крышку запер изнутри. То есть заложил...

— А дальше?

— А с чердака выбрался на крышу. Потом вниз по пожарной лестнице...

Папа молчал с полминуты. Вася дышал тише прежнего. Папа сказал, словно через силу:

— Если бы ты сорвался... Ты думал тогда, что будет с нами? С мамой и со мной?..

Вася вздохнул опять. Длинно-длинно. И ничего не ответил. Потому что там, на крыше, он думал. Именно об этом. Или даже не сам он думал, а будто кто-то, сидевший внутри, нашептывал ему: «...И все тогда пожалеют. И никто не станет больше ругать, никогда... Это ведь быстро. И совсем не страшно. Раскинешь руки — и...» И неизвестно, что было бы сейчас, если бы не желтая бабочка... Может быть, уже абсолютно ничего бы не было...

Папа посидел еще, подержал ладонь на Васином плече. Встал. Сказал еле слышно: «Спи» и вышел.



Вася лежал совсем не дыша. Жаль ему было папу. И маму жаль. (И себя тоже.) Может быть, вскочить, прибежать к ним, приткнуться и заплакать опять? Но уже не громко, а тихонько, с просьбой о прощении? Но с кухни долетели голоса — негромкие, однако раздраженные. Родители опять спорили. Скорее всего, из-за него. Но какой бы ни была причина, а когда мама с папой ссорились, подходить к ним не хотелось. Потому что все нервы делались натянутые и дрожащие.

Вася нащупал под подушкой обод с твердой резиновой шиной.

«Не бойся, — отозвалось Колесо. — Они сейчас перестанут. А ты засыпай. Пора уже...»

И Вася стал засыпать снова. Скоро все тревоги ушли, замелькали опять цветные пятнышки и среди них самое яркое, желтое — как та бабочка... И сон, который пришел к Васе, был, несмотря на недавние горести, хороший. Вася видел его уже несколько раз. А теперь — снова, с самого начала.

Снилась весна. Не нынешняя, поздняя, с молодой зеленью тополей, а начальная. Такая, когда оседает талый снег, синеют среди сугробов первые лужи, а с карнизов часто и звонко сыплются капли.

Вася видел, будто он не пошел в школу из-за какой-то легкой хвори. Она, эта хворь, была та-



кая пустяковая, что ничуть не мешала радости неожиданного отдыха. Позднее мартовское утро сияло за окном голубизной и лучами. Лучи были такие теплые, что нагрели широкий подоконник, как печку. Вася придвинул к окну стул, откинулся к спинке, подвернул до колен спортивные штаны и положил на подоконник голые ступни. Солнце сразу взяло их в пушистые ладони. Вася жмурился и радовался весне.

Но пришла мама, сказала, чтобы Вася убрал ноги с подоконника.

— Хочешь добавить себе болезни? Там дует в щели.

— Ничего не дует! Наоборот, тепло, как из печки!

— Я кому сказала! Сгинь от окна!

Вася не стал обижаться (такой хороший день!). Убрал ноги с подоконника, сунул ступни в тапки, но сам придвинулся со стулом ближе к окну. За стеклом густо летели вниз искристые капли, стеклянно бились о жестяной подоконник. Наверно, они срывались с сосуллек, висевших высоко под крышей, над девятым этажом. Как они ухитрялись, пролетая пять этажей, не задеть косяки и балконы? Впрочем, это ведь сон...

Серые тополя и грязно-песочная стена изогнувшегося углом дома теперь были ярко-рыжими от



солнца. Где-то весело кричали воробьи. На миг налетела серая тень (откуда, ведь облаков-то нет?!). «Сгинь!» — велел Вася, и тень тут же исчезла, а капли выбивали хрустальную мелодию: динь... динь... «Динькающий день», — подумал Вася. И под мелодию капли у Васи стали складываться слова:

462309

День — динь!
Капель капель — с крыш...
Тень — сгинь!
День, стань от солнца рыж...

Наяву Вася никогда не сочинял никаких стихов (за исключением двух строчек в письме, о котором речь пойдет позже). Но эта песенка не пропала из памяти даже тогда, когда сон кончился. И мотив запомнился. Простенький такой, но славный. И Вася порой напевал эту песенку, если было хорошее настроение.

Надо сказать, Вася любил музыку. Всякую. И такую, где гитары, саксофоны и блестящие синтезаторы, и такую, где могучие оркестры, которые называются «симфонические». Потому что в этих оркестрах были замечательные инструменты. Просто дух захватывало, когда на экране их показывали крупным планом! Поющие густым голосом виолончели; похожие на коричневых от



загара девчонок быстрые скрипки; сияющие золотом, волшебным изогнутые трубы; торжественно гремящие тарелки, гулкие литавры и барабаны... А каким удивительным, загадочным был чёрно-белый ряд клавиш под косо вскинутым крылом рояля!..

Вася не запомнил ни названий музыки, ни тех, кто ее сочинил. Но бывало, что во время музыкальных передач замирал в кресле и умоляющим шепотом просил папу не переключать на футбол. И однажды папа сказал:

— А может быть, у Василия талант? Не посмотрели ли его детсадовские педагоги?

Мама на сей раз не заспорила. Вспомнила, что сын и правда часто напевает себе под нос. Вдруг он будущий Чайковский или Иосиф Кобзон? И повела его (совсем недавно, в апреле) к знакомому музыканту. Вернее, к знакомому своей знакомой (та договорилась об этой встрече). Вася не противился, даже обрадовался. Кто знает, вдруг он и правда сумеет овладеть тайнами колдовских инструментов, которые завораживали его с экрана?

Похожий на седого Дон Кихота преподаватель музыкального училища встретил маму и Васю приветливо. Нажал несколько клавиш рояля и попросил Васю повторить их звук голосом. Покивал, почему-то вздохнул. Потом предложил Васе



спеть песенку. Какую-нибудь попроще и всем знакомую. Вася застеснялся, но пересилил себя, стал по стойке смирно и запел: «Не слышны в саду даже шорохи...»

— Спасибо, — сказал седой музыкант. И обратился к маме: — Видите ли, уважаемая Яна Феликсовна...

Оказалось, что музыкальный слух у мальчику, прямо скажем, не очень. Да, конечно, мальчику нравится музыка, но любить ее — это одно, а учиться на музыканта — совсем другое, здесь необходима определенная сумма природных данных.

— Яна Феликсовна, у вас замечательный сын, это видно сразу. Однако таланты его лежат, видимо, в каких-то иных сферах, не музыкальных. Я уверен, что они не замедлят обнаружить себя...

Мама была очень огорчена. Вася тоже, но все-таки меньше мамы. И главное, музыку любить он не перестал, хотя теперь стеснялся при всех «прилипать» к экрану, когда выступали оркестры. Приснившуюся музыку капелю он не забыл и по-прежнему напевал ее в хорошие минуты. Тем более что мартовский день с капелью снился ему еще не раз, словно напоминал о чем-то...

Вот и теперь Вася опять видел этот сон. А потом и его продолжение, про дождик...

И пока Вася спит, есть время о многом рассказать по порядку.



КОЕ-ЧТО ПРО ЖИЗНЬ

В школе Васю звали только по фамилии. С первого дня — Перепёлкин да Перепёлкин. Виновата в этом Инга Матвеевна. Ну, может быть, и сам Вася виноват, но она все-таки больше.

Первого сентября высокая учительница с длинным красивым лицом и немигающими глазами стала знакомиться с первоклассниками. Отчетливо сказала, что будет вызывать каждого по списку и каждый вызванный должен вставать и говорить «я». И началось:

— Аннушкин Петр!

— Я!

— Барбарисова Наталья!

— Я...

— Вовченко Валерий!

— Я-а-а...

— Не «я-а-а», а твердо — «Йя»!

— Ага. Йа-а-а...

— О, господи... Гришина Вероника!..

...Вася уже хорошо знал алфавит. И терпеливо ждал букву «П». И вот:

— Панченко Маргарита!

— Я...

— Пере...палкин Василий!

Никто не отозвался.



— Что такое? Я сказала — Перепалкин! Нет такого?

Вася подумал и нерешительно встал.

— Может быть, Перепёлкин? Тогда это я.

— Ты — Василий?

— Конечно Василий, — разъяснил он непонятливой Инге Матвеевне. — Только не Перепалкин, а Перепёлкин. А если там написано «Перепалкин», тогда это не я. Посмотрите, пожалуйста, дальше, может быть, там есть еще и настоящий я?

— Никого больше нет! Перепалкин Василий! Значит, это ты.

— Да, но только я не...

— Я поняла! Видимо, здесь перепутались буквы, вот и все. Невелика разница. Сядь.

Вася не сел.

— Нет, разница очень велика, — терпеливо разъяснил он, потому что любил ясность. — Фамилия «Перепалкин» — это, видимо, от слова «перепалка». То есть когда люди спорят и ссорятся. А «Перепёлкин» — от слова «перепёлка», птица такая. Перепелки живут в полях и лугах. Если птенцам перепелки грозит опасность, она притворяется раненой, бежит под носом у охотника или зверя и уводит его от гнезда, нам про это еще в детском саду рассказывали.

Инга Матвеевна приоткрыла рот и наконец мигнула. И сообщила, что здесь не детский сад, а



школа (которая скоро станет гимназией) и словесные перепалки между учеником и учителем тут непозволительны. Пусть Перепал... Перепёлкин сядет и не мешает дальнейшей проверке состава класса по утвержденному списку.

Вася хотел объяснить, что вовсе не устраивал перепалку, а только пытался рассказать о разнице между ссорой и птицей, но его соседка Маргарита Панченко (умная девочка) потянула его за подол нового пиджачка. Шепнула:

— Сядь, Перепёлкин. А то хуже будет...

Вася не понял, что должно быть «хуже». Но послушался. Потому что Инга Матвеевна вызывала уже первоклассников на другие буквы: Раскатов... Уткина... Юдин... Ярцева... И ничью фамилию больше не перепутала. Впрочем, и Васину фамилию она теперь всегда говорила правильно. И отчетливо. Других она чаще называл по имени (а по фамилии — если только сердилась), Васю же всегда: «Пере-пёлкин». Васю это не то чтобы огорчало, но удивляло. Однажды он поднял руку и спросил:

— Инга Матвеевна, скажите, пожалуйста, почему другим мальчикам и девочкам вы говорите «Петя», «Саша», «Лена», а мне обязательно «Перепёлкин», а не «Вася»?

Инга Матвеевна посмотрела, не мигая, и сухо сказала:



— Потому, Перепёлкин, что у нас в классе еще три Васи. Я не хочу, чтобы вы запутались.

— Но ведь Копейкину, Мохову и Сергиенко вы говорите «Вася», а мне никогда.

— Дело в том, что эти Васи не рассуждают так много, как ты. Сядь, пожалуйста. Все слушайте домашнее задание...

Вася не сел сразу. Хотел еще разъяснить Инге Матвеевне, что он вовсе не рассуждает «так много», это во-первых, а во-вторых, имя человека и любовь к рассуждениям никак не связаны друг с другом, потому что... Но Маргарита Панченко привычно дернула его за полу.

— Сядь, Перепёлкин. Опять «скребешь» на свою голову...

Все ребята в первом «Б» тоже звали его по фамилии, как учительница. Видимо, сперва брали пример, а потом привыкли...

В конце сентября состоялось родительское собрание. Васины мама и папа пришли на него вдвоем. Инга Матвеевна стала рассказывать родителям, как обстоят дела в первом «Б»: кто как себя ведет, кто учится старательно, а кто не очень. Про Перепёлкина сказала:

— Неглупый мальчик, да. Но то и дело пытается рассуждать. Где надо и где не надо...



— Простите, но семилетнему мальчику, наверно, еще трудно разобраться, где рассуждения нужны, а где нет, — осторожно заметила мама.

Инга Матвеевна ответила, что «если трудно, незачем этим заниматься вообще; главная задача первоклассника — сидеть и внимательно слушать учительницу».

— Но мне казалось, что способность к рассуждениям — одно из свойств, которые школа должна прививать своим питомцам, — осторожно сказал папа.

— Это свойство они обретают самостоятельно. Причем слишком рано и в больших количествах, — сообщила Инга Матвеевна. — А как быть учителю? У меня в классе двадцать восемь человек, и если с каждым я буду пускаться в словопрения, как вести уроки?..

Мамы, папы и бабушки сочувственно загудели: в самом деле — как?

— Взять того же Перепёлкина. Недавно подымает руку и задает очередной вопрос: почему все должны учиться чтению по букварю, если многие дома уже читают толстые книжки? Я говорю: «Потому что такая школьная программа». А он: «Но ведь люди все разные, значит, и программы надо сделать разные». Представляете, какой министр просвещения! Где я возьму отдельную программу



на каждого? Есть утвержденные учебные планы!

— М-да... — негромко произнес папа.

— Я не понимаю, что вы хотели сказать вашим «м-да»? — спросила Инга Матвеевна.

— Я хотел сказать «м-да...», — сухо разъяснил папа.

Дома родители заспорили. Мама сказала, что своим глупым замечанием папа навсегда испортил ребенку школьную жизнь. Учительница станет «отыгрываться» на мальчике.

— Но что я сказал? Одно коротенькое слово!

— Это коротенькое слово обойдется Василию длинными бедами на долгие годы! Она и так-то его не жаловала, а теперь...

— Но разве я виноват, что она такая ду... думает, что детей надо стричь под одну гребенку!

— Это не она, а вся школьная система! Иди со своими претензиями к министру или президенту! А учителя — несчастные люди! У них крохотная зарплата, а в классах каждый второй — дебил!

Папа сказал: можно, он пойдет к президенту завтра или на той неделе? А сейчас он чертовски устал и хотел бы посмотреть передачу «Футбольный клуб».

Мама сказала, что футбол всегда интересовал папу больше собственного ребенка.

Папа сказал, что не всегда, а по субботам. Мама сказала...



— Василий, марш к себе! Нечего слушать, как отец говорит глупости!

Вася ушел за ширму. Там стояло навсегда раздвинутое кресло-кровать с Васиной постелью и письменный столик с лампой под желтым пластмассовым абажуром. Вася сел к столику и стал включать и выключать лампу (за окном синели ранние сумерки). Деревянная ширма (старинная, подарок тети Томи, когда Вася родился) была с окошечками, затянутыми разноцветной бумагой. Тугая бумага усиливала любой звук (называется «резонанс»). Каждое словечко родительского скандала было слышно даже лучше, чем в комнате, хотя мама с папой старались приглушать голоса. Впрочем, Вася и не слушал, он все знал заранее, наизусть.

Эти ссоры, с чего бы ни начинались, раскручивались по одному плану. В конце концов мама обязательно скажет, что «незачем было жениться и заводить ребенка». Папа ответит, что ребенок у него замечательный, а вот мама его (то есть Васяна) «при всех своих положительных качествах» кого угодно отправит на тот свет «своей женской логикой».

Вася знал, что вообще-то логика — это наука о рассуждениях, но «женская логика» — кажется, наоборот.



Наступит момент, когда мама сильно округлит ставшие мокрыми глаза (это не видно из-за ширмы, но Вася знает) и спросит полусшепотом:

— Ну почему, почему ты так меня ненавидишь? А папа скажет «о, господи», уйдет на кухню, сядет на табурет за холодильником и закроется газетой «Спортивный бюллетень»...

Сейчас Вася не стал ждать такого финала. Он скользнул из-за ширмы, оказался в коридоре и позвонил тете Томе.

— Можно, я у вас посижу?

— Посиди, посиди, голубчик... Что, опять поругались?

— Можно, я посмотрю журнал?

— Посмотри, посмотри... И чего их мир не берет? Культурные люди, с высшим образованием, со стороны поглядишь — сердце радуется, какая пара. А порой... Ну, ты не горюй, помирятся...

— Да знаю я...

Они, конечно, помирятся. И будут улыбаться друг другу и виновато поглядывать на Васю, и так пройдет день-два или неделя, а потом... И опять надо сидеть у себя за ширмой или ускользать к тете Томе и листать там растрепанную подшивку журнала «Живописное обозрение». Журнал ужасно старинный, достался тете Томе еще от ее бабушки. Читать его трудно, всякие там старинные бук-



вы, однако картинки интересные. Например, есть рисунок под названием «Соперники». Там по бурному морю мчится корабль с белоснежными парусами, а рядом с ним, у верхушек мачт, — старинный самолет с полотняными перепончатыми крыльями — тоже белыми, как паруса. Вот такие были самолеты сто с лишним лет назад, как птицы.

Кто кого перегонит?

Вася был за парусник. А на самолет он смотрел с тревогой. Может, этот легонький аэроплан сперва и окажется впереди, но надолго ли? Ведь корабль может под ветром бежать сколько угодно, а в баке самолетного мотора много ли горючего? Не случится ли, что эта склеенная из реек и ткани птица не дотянет до берега? И тогда — что? Волны-то вон какие...

Инга Матвеевна не стала «отыгрываться» на Васе. Но и не хвалила за успехи. Хорошо, что в первом классе не ставят отметок, говорила она, а то быть бы Перепёлкину сплошным троечником. Лучше бы он не рассуждал по всяким пустякам, а постарательнее думал над задачками... А он больше и не рассуждал. Разве что иногда, редко. Но все равно в классе считалось, что «Перепёлкин у нас шибко умный». Наверно, поэтому и крепкими друзьями-товарищами он не обзавелся. Хотя



и ссорился редко. Его почти не задирали и не дразнили, потому что Инга Матвеевна однажды сказала:

— Пожалуйста, не обижайте Перепёлкина, с плаксами надо быть осторожными.

Это было неправильно. Никакой он не плакса. Случилось, правда, что раза два пускал слезу от вредной дразнилки или от крепкого ушиба, но с кем не бывает? Но рассуждать с Ингой Матвеевной на эту тему Вася не стал. Тем более что Маргарита Панченко посоветовала шепотом:

— Не связывайся, плюнь...

В общем, доучился Вася в первом «Б» до летних каникул. Дотянул, как говорится. Каникулы были замечательные. Во-первых, очень длинные, во-вторых, очень интересные, потому что Вася с мамой и папой ездил в город Бердянск, на Азовское море, к папиным друзьям. Там прожили среди южного приморского тепла целый месяц. А кроме того, по дороге заезжали в Москву, где Вася тоже насмотрелся много чего интересного. И самым замечательным было то, что родители в поездке почти не ссорились (всего четыре раза).

Домой, в родной город Осинцев, вернулись только в начале августа. Но и здесь Вася не скучал. Было тепло, как на юге. Можно гулять целыми днями. И Вася гулял.



Осинцев — не очень большой город, но и не очень маленький. Некоторые кварталы его большущие и многоэтажные, как в Москве, но к таким кварталам там и тут жмутся другие — старые, одноэтажные. Рядом с Васиной новой девятиэтажкой тянется заросшая лопухами Луговая улица с бревенчатыми домиками, палисадниками и огородами. Неподалеку много пустырей с чертополохом и польнью. Пустыри пересекает овражек, в котором воркует среди ивняка и осоки ручей. В осоке живут веселые лягушата и пожилые добродушные жабы. Иногда Васе кажется, что обитают в овражке и мелкие ручейковые гномы, хотя ни с одним он пока не встречался.

На пустырях и в зарослях можно играть одному — в путешественника среди всяких неведомых джунглей. А еще среди пустырей попадаются поляны с невысокой ровной травой, где знакомые ребята гоняют футбольные мячи. Вася с ними тоже гонял иногда. Правда, не очень у него получалось, и некоторые мальчишки ворчали, что «этот мелкий только путается под ногами». Но шестиклассник Вовка Садовкин — Васин сосед и авторитетная личность — решительно потребовал:

— А ну, кончайте базар! Должен же человек учиться!

И у Васи от благодарности даже защипало в глазах.



А еще папа брал Васю на работу, в Институт керамики, там бородатые молодые сотрудники учили «коллегу Василия» обращаться с компьютером. Показывали всякие игры. Целую неделю Вася был от этих игр без ума. Уговаривал маму и папу купить хоть самый простенький компьютер, чтобы заниматься с ним дома. Папа обещал подумать, а мама округлила глаза:

— С такими безумными затратами мы до конца дней будем жить в нашем однокомнатном курятнике без телефона и без приличной мебели!

Впрочем, скоро компьютерные забавы Васе приелись. Они были похожи одна на другую. Там все время надо было куда-то бежать, кого-то догонять, в кого-то стрелять, чтобы тебя самого не подстрелили или не взорвали. И Вася наконец почувствовал, что старенький домашний «видик» ему дороже: можно снова и снова смотреть ленты про Буратино, Тома Сойера и Маугли. А еще лучше — читать про этих замечательных ребят книжки. Мама с папой, поругавшись очередной раз, уснут, а ты приткнешься к столику, заслонишь лампу картонкой, чтобы не просвечивала сквозь ширму, и окунаешься с головой в знакомые, но все равно чудесные приключения...

Потом опять пришел сентябрь, и Вася оказался во втором «Б». Но не надолго. Потому что случился скандал.



Дело в том, что в класс поступила новенькая. Мика Таевская. Славная такая. Когда Вася смотрел на Мику, у него внутри делалось тепло и пушисто. Глаза у Мики были похожи на коричневых бабочек. Если Мика взмахивала ресницами, казалось, что бабочки машут крыльями. Конечно, Вася стеснялся своих чувств — и перед Микой, и перед ребятами, и даже перед собой. А Мика на него почти не смотрела. Потому что чего на него смотреть — самый обыкновенный, ни красоты в нем, ни героичности. Тощий, с худым треугольным лицом, с непонятно какими глазами — то ли серыми, то ли жидко-карими. С белобрысыми длинными прядками. И рот постоянно приоткрыт и округлен, будто от удивления... Вася перед зеркалом сердито сжимал губы и отворачивался от своего отражения. Но про Мику все равно думал постоянно.

На третий день таких мыслей Вася рассудил, что под лежащий камень вода не течет, победил нерешительность и написал письмо:

«Мика ты мне очень нравишься. Давай дружить если ты захочешь. Я могу провожать тебя после уроков домой и носить твой ранец если тебе тяжело. И если тебя кто-нибудь затронит буду за тебя заступаться. Я по правде сказать не очень смелый но все равно буду если надо честное слово. Твой одноклассник Перепёлкин Вася».



А в конце приписал две стихотворные строчки:

«Ты хороший человек
Буду я твой друг навек».

В тексте не было запятых и попадались ошибки, но в общем-то письмо как письмо, не хуже всех тех, что пишут в таких случаях. По крайней мере, понятное и честное, не правда ли?

Вася разыскал в подзеркальном ящике чистый конверт (даже с маркой), запечатал бумагу и потом всю ночь неважно спал от волнения. Назавтра, в классе, он незаметно сунул письмо в Микин ранец. Это было на первой перемене. На других переменах он боялся близко подходить к Мике и смотреть на нее. А на уроках смотрел — на ее затылок с темными кольцами волос и на красный с белыми горошками бант. (Мика сидела на первой парте, а Вася на третьей.) Мика ни разу не оглянулась. У Васи все больше чувствовалась под сердцем нехорошая пустота. И оказалось, что не зря.

В начале четвертого урока Инга Матвеевна достала из классного журнала белый конверт с зеленой маркой, и Вася сразу узнал его. Инга Матвеевна устремила на Перепёлкина взгляд.

— Перепёлкин, это твоё сочинение?

Вася понял, что сейчас умрет. Но умирать надо с достоинством — не прятаться в заячьей норе, а как



на поле боя. Даже если ты «по правде сказать, не очень смелый». Это подтвердит вам герой из любой книжки — и Маугли, и Том Сойер, и юный мушкетер Яшка Рыбохвостов, и даже Буратино. Вася встал.

— Конечно мое. Там ведь подписано. Чья подпись, значит, того и письмо...

— Не рассуждай! Кто тебе разрешил писать такие письма?!

Это был глупый вопрос. Даже детсадовским ребятам понятно, что на письма разрешения не спрашивают. И Вася сказал:

— Но я же не вам его написал.

— Да, ты сочинил его для Мики Таевской! Но Мика умная девочка и знает, что о всяких таких глупостях следует сообщать учительнице.

Вася (не забывая, что он собрался умереть и ему было все равно) бестрепетно глянул в немигающие глаза.

— Вы всё придумали! Никаких глупостей там нет!

— Ах, придумала? Ах, нет?! Тогда слушайте.

Громким голосом Инга Матвеевна отчеканила письмо.

Кто-то нерешительно хихикнул. Раз, другой. Мика сидела неподвижно, даже бант ее ничуть не шевелился. И Вася понял, что все кончено. Если



даже она теперь глянет на него глазами-бабочками, в душе его ничего не дрогнет. Конечно, Вася не был плаксой, и капли на его ресницах оказались случайно. Он махнул ресницами так сердито, что капли полетели во все стороны. И одна попала на щеку Маргариты Панченко — та сидела рядом.

— По-моему, эта Таевская — свинья и ябеда, — тихим шепотом сообщила Маргарита. — Если бы мне написали такое, я бы никогда...

— По-моему, Таевская — свинья и ябеда, — отчетливо сказал Вася, глядя на неподвижный бант с горошками. Бант дернулся. А Инга Матвеевна возвысила голос до небывалого звона:

— Как! Ты! Смеешь! Да я... за это тебя на педсовет! И это письмо... там... всем!..

Вася снова взмахом ресниц сбросил капли — теперь уже с окончательным бесстрашием.

— А чужие письма читать нельзя.

— Учителю можно всё!

— Никому нельзя.

— Кто тебе это сказал?!

— Это все на свете знают. И в книжках написано.

— Я смотрю, ты уж-жасно начитанное дитя!.. Пусть отец и мать сегодня же явятся в школу! А ты... немедленно извинись перед Микой Таевской.

Вася вдруг почувствовал, что он успокаивается. словно в нем, как в телевизоре, переключили



канал — с ужасика на передачу «Спокойной ночи, малыши». Он вздохнул. И выговорил, глядя мимо банта:

— Таевская, извини меня, что я громко сказал, что ты свинья и ябеда и теперь все про это знают. И постарайся больше не делать таких свинств...

Инна Матвеевна задышала, как старый паровоз на запасных путях.

— Вон из класса! И без родителей в школу ни шагу!..

Второклассники учились во вторую смену. Поэтому дома Вася недолго томился один, почти сразу пришли с работы мама и папа. Вася собирался гордо и прямо рассказать про школьный скандал. Потому что ни в чем он не виноват! Ведь не замуж идти предлагал он этой Таевской, а просто подружиться по-человечески. Вот папа, например, говорил, что у него еще в детском саду была любимая подружка (правда, не мама).

Но гордого рассказа не вышло. Едва мама вошла и глянула на Васю, как сразу спросила:

— Что с тобой случилось?

И Вася расплакался. Вздохнул. И всю историю с письмом рассказал сквозь громкие всхлипы и отчаянные слова, что в школу больше не пойдет.

— Ну и дела... — сказал папа, когда Вася наконец успокоился (не совсем, а слегка).



— Что значит «ну и дела»! — возмутилась мама. — Твои пустые восклицания здесь не помогут!

«Сейчас опять поругаются», — тоскливо подумал Вася.

Но мама и папа на этот раз не поругались. Они дали Васе холодного молока (хорошее средство от слез) и пошли в школу.

Вернулись родители нескоро, часа через два. Оказалось, что в школе они угодили прямо на педсовет. Он был не из-за письма, конечно, а просто очередной, но тут речь сразу пошла о Перепёлкине. Подробностей Вася никогда не узнал (незачем школьникам знать педсоветовские разговоры). Но все же мама проговорила, что Инга Матвеевна негодовала: «Что будет, если с восьми лет школьники начнут крутить романы, а не заниматься учебным процессом!» А другая учительница, пожилая Полина Аркадьевна, сказала: «Господи, да что было, то и будет, как во все времена...» А потом предложила Васиным папе и маме: «Знаете что, давайте мне вашего Перепёлкина в мой класс. Я не боюсь тех, кто рассуждает, сама такая. И место как раз есть, Юрик Ромкин уехал с родителями в Канаду...»

И на следующий день Вася пошел во второй «А».

Полина Аркадьевна была спокойная и несердитая. И ребята были невредные, не хуже, чем в

СОДЕРЖАНИЕ

Первая часть. НЕ ТА ЛЕСТНИЦА	5
Сокровище	5
Кое-что про жизнь	20
Джунгли	41
Лестница	54
Вверх и вниз... ..	67
Созвучие	80
Два следа	91
Педали	104
Вторая часть. СКАЗКИ НЕЗНАКОМОГО ГОРОДА	121
Крылышки на пятках	121
Злодейство	137
Бой на Партизанской	151
Рябиновый бульвар	165
Мальчик и музыка	178
Барашков переулок	201
Легенда о Хитроумном кузнечике	223
Третья часть. РОГАТКА	236
Солнечные рельсы	236
Сергей Сергеевич	242



Марш Дунаевского	257
Под куполом старого цирка	272
Много колес и Васино Колесо... ..	294
«Ни слова о дедушке!»	309
Оркестр	328